

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
И АЛЛЮЗИЙ В «БЕДНЫХ ЛЮДЯХ»

В предлагаемой вниманию читателя работе речь идет о ранних шагах Достоевского на литературной стезе. До того как писатель явился публике с первым романом, он успел пройти некоторый путь: опыты сочинений в драматическом роде, перевод романа Бальзака «Eugénie Grandet» и одновременно с этим – постоянное чтение авторов разных стран и эпох. Основательная начитанность Достоевского уже в ранней юности удивляла его товарищей по Главному инженерному училищу. «Достоевский, – писал Д. В. Григорович, – во всех отношениях был выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня. То, что сообщал он о сочинениях писателей, имя которых я никогда не слышал, было для меня откровением».¹ Особую заинтересованность вызывала у Достоевского русская литература. Несмотря ни на какие западные влияния, писатель «за редкими исключениями», как считал А. Л. Бем, оставался верен русской почве: «Понять Достоевского вне русской литературной традиции невозможно, и это не только в чисто формально-логическом смысле, но и в его литературно-идейной проблематике. Сам Достоевский прекрасно осознавал эту связь».² И не просто осознавал (как некий объективный, не зависящий от него факт), но намеренно к этой связи стремился.

Чтение Достоевского если не с самого начала, то постепенно (и чем далее, тем более) становилось профессиональным, т. е. вдумчивым, аналитичным. В письме брату от 24 марта 1845 г.

---

¹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 47.

² Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборники статей под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929/1933/1936. М., 2007. С. 207.

(тогда, когда он заканчивал работу над «Бедными людьми») Достоевский сообщал: «Ты, может быть, хочешь знать, чем я занимаюсь, когда не пишу, – читаю. Я страшно читаю, и чтение странно действует на меня. Что-нибудь, давно перечитанное, прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во всё, отчетливо понимаю, и сам извлекаю умение создавать». И далее: «Брат, в отношении литературы я *не тот*, что был тому назад два года. Тогда было ребячество, вздор. Два года изучения много принесли и много унесли» (28₁, 108).

Однако каким бы «вздором» «в отношении литературы» ни были ранние годы, они, конечно, тоже служили профессиональной выучке. Так, 16 августа 1839 г. Достоевский признавался брату: «...учиться, “что значит человек и жизнь”, – в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно...» и т. д. (28₁, 63). Но два года, которые выделяет писатель, сыграли решающую роль: помимо усвоения приемов и навыков художественного мастерства именно в это время, как ясно, сложились основные убеждения, определились идейные и эстетические ориентиры – одним словом, ребяческая наивность восприятия уступила место зрелому размышлению.

С этих пор литературные (и не только литературные) предпочтения, симпатии и антипатии обрели под собой твердую почву обдуманых воззрений.

Свое эстетическое *stredo* (не вполне, но в существенной части) Достоевский изложил в первом же романе. Он сделал это с опорой на Белинского – первого критика России, произведения которого внимательно читал. «Я мало думал об успехе, – вспоминал Достоевский много лет спустя, – а этой “партии Отчественных записок”, как говорили тогда, я боялся. Белинского я читал уже несколько лет с увлечением, но он мне казался грозным и страшным и – “осмеет он моих «Бедных людей»”! – думалось мне иногда. Но лишь иногда...».³ Опасения Достоевского (если они его и в самом деле посещали) были, как известно, напрасны: Белинский встретил произведение начинающего автора с восторгом. В частности, потому, что почувствовал в нем отголоски своих идей.

---

³ «Дневник писателя» за 1877 г., январь, гл. 2, IV. Русская сатира. «Новь». «Последние песни». Старые воспоминания (25, 28).

«Еще Добролюбов отметил, – писал В. Я. Кирпотин, соглашаясь с Добролюбовым, – что в гуманных воззрениях “Бедных людей” не было ничего нового по сравнению с пропагандой Белинского и что по своему художественному методу они вполне сливались с общим потоком “натуральной школы”. Индивидуальный стиль воплощения зависел от особенностей дарования Достоевского, но Белинский потому так и взволновался и возликовал, что нашел в рукописи представшего перед ним и трепещущего юноши *свое*».⁴ В таком случае понятны не только его неумеренные восторги по поводу «Бедных людей», но и столь же неумеренные огорчения по поводу «Двойника», «Господина Прохарчина» и особенно «Хозяйки».

Уже после личного знакомства с критиком Достоевский рассказывал брату в письме от 8 октября 1845 г.: «Я бываю весьма часто у Белинского. Он ко мне донельзя расположен и серьезно видит во мне *доказательство перед публикою* и оправдание мнений своих» (28₁, 113). Однако вряд ли такое «доказательство» и тоже вполне «серьезно» видел в себе Достоевский. Иначе вслед за приведенными словами не прозвучала бы в том же письме неподдельная тревога: «Вообще говоря, будущность (и весьма недалекая) может быть хороша и может быть и страх как дурна» (28₁, 113). Именно последнее, как водится, в значительной степени и оправдалось: Достоевский, едва познакомившись, очень скоро разошелся с кругом Белинского. И это доставило начинающему автору немало горьких минут. В апреле 1847 г., т. е. менее чем через два года после знакомства с Белинским и «нашими», Достоевский писал брату:

Вот уже третий год литературного моего поприща я как в чаду. Не вижу жизни, некогда опомниться; наука уходит за невремяем. Хочется установиться. Сделали они мне известность сомнительную, и я не знаю, до которых пор пойдет этот ад. Тут бедность, срочная работа, – кабы покой!! (28₁, 141)

Говорить о влиянии Белинского на Достоевского довольно затруднительно. Несмотря на разницу лет, несмотря на увлеченное чтение критика (а кого в те годы, если судить по письмам, не читал Достоевский с увлечением?), автор «Бедных людей» даже в первом романе выступил не учеником Белинского, а

---

⁴ Кирпотин В. Достоевский и Белинский. М., 1976. С. 26.

скорее его единомышленником. И то – до известной степени, и то – в известных пределах. (Кстати, имя Белинского до личного с ним знакомства в письмах Достоевского не упоминается.)

Позднее (письмо М. М. Достоевскому от 17 декабря 1846 г.) Достоевский объяснял: «Мне всё кажется, что я завел процесс со всею нашей литературою, журналами и критиками и тремя частями романа моего в “Отечеств<енных> записках” (имеется в виду «Неточка Незванова». – В. В.) и устанавливаю и на этот год мое первенство назло недоброжелателям моим» (28₁, 135). В действительности этот «процесс» Достоевский «завел» уже в «Бедных людях». Его связь с литературой, выражавшаяся в осознанных притяжениях и отталкиваниях, не ограничивалась изящной словесностью, но включала и журнальную критику. Начиная литературную деятельность, Достоевский развернул баталию по всему фронту, соперничая и с известными писателями, и с теми, кто критически оценивал их труды.

Мнения первого критика России («великого критика», как называл его Достоевский – 25, 30) вызывали у писателя и согласие, и полемику. Poleмика по преимуществу касалась отношения к Пушкину и особенно к Гоголю (писателям первой величины), которое Белинский не мог без оговорок признать своим, во всяком случае – до знакомства с «Бедными людьми» (да, конечно, и позднее).⁵ А согласие и сочувствие внушала упорная, последовательная борьба критика с запоздалыми романтиками и их эпигонами, с «улицей» (если воспользоваться словечком Достоевского) романтизма. Начиная писатель выступил на стороне Белинского против романтиков в защиту принципов нового реалистического искусства, главным представителем которого, в глазах критика, был Гоголь, в глазах же Достоевского – конечно, Пушкин и, ему хотелось надеяться, очень скоро должен стать он сам. При условии везения и успеха первого романа – возможно, не без поддержки «партии Отечественных записок» и того же Белинского.

---

⁵ Ср.: «В суждениях о Гоголе Достоевский был оригинален и парадоксален. Отдавая дань уважения и увлечения Гоголем, он в отличие от своих литературных соратников считал, что нужно идти не от Гоголя, а от Пушкина, что именно Пушкин должен стать знаменем новой русской литературы» (Захаров В. Н. Дебют гения // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Петрозаводск, 1995. Т. 1. С. 611).

Прямые и косвенные переключки с Белинским в «Бедных людях» возникают в сложном контексте полушутливой-полусерьезной литературной игры, рассчитанной на понимание «своих» и их одобрительную усмешку. Отвлеченные рассуждения критика Достоевский переводит в план конкретных представлений, логические понятия и переходы мысли – в систему образных соответствий, ирония высказывания оборачивается эффектной уничижительной пародией.

Так, в статье «Русская литература в 1843 году» (ОЗ. 1844. Т. 32, № 1. Отд. V: «Критика», с. 1–42; ц. р. 31 декабря 1843 г.; вып. в свет 2 января 1844 г.; без подписи) Белинский говорит о неблагополучном состоянии современной литературы, о засилье дилетантов среди пишущей братии, о невзыскательной публике, не только читающей, но и почитающей их:

Литераторство у нас – дело между другими важнейшими делами, отдых от служебных занятий, а чаще всего оно имеет простое значение лишних полутора или двух тысяч рублей в год, вдобавок к жалованью. [Публика полагает, что] занятие литературою *между прочим* – дело очень почтенное, особенно, если оно прибыльно <...>; литература наша только в немногих своих исключениях выше этой публики; но, взятая вообще, совершенно по плечу ей. Наши литераторы большею частью не артисты (т. е. не профессионалы. – В. В.), а дилетанты, которые между делом и бездельем почитывают и пописывают. Они убеждены, что можно прежде всего делать что-нибудь <...> а потом, в свободное от главных занятий время, почему и не написать чего-нибудь – ведь оно же и выгодно, между прочим.⁶

Ситуация, о которой говорит Белинский, воспроизведена в «Бедных людях» в рассказе Макара Алексеевича Девушкина о литературных вечерах у Ратазьева, где бедный герой чувствует себя, по собственному признанию, «болван болваном». Это не мешает ему, однако (и здесь вполне естественно), задуматься о том, что сочинительство, которым занят Ратазьев, в конце концов, и ему по плечу: «Ведь что я теперь в свободное время делаю? Сплю, дурак дураком. А то бы вместо спанья-то ненужного можно было бы и приятным заняться; этак сесть бы да и пописать. И себе полезно и другим хорошо. Да что, маточка, вы посмотрите-ка только, сколько берут они, прости им Господь! Вот хоть бы и Ратазьев, – как берет!» и т. д. (1, 51). Отсюда ясно,

---

⁶ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 32.

какую цену имеют восторги Макара Алексеевича по поводу сочинений Ратазьева.

Эти сочинения – тогдашний литературный ширпотреб. Об авторах таких сочинений Белинский в той же статье писал, что их искать и звать не надо, что, если затеется какое-нибудь издание, они сами придут. «Сто или двести из них принесут вам, на первый случай, по сотне стихотворений, в которых нет ни поэзии, ни смысла; пятьдесят принесут обещание – к такому-то числу представить по повести и, при сей верной оказии, спросят вас, почем вы платите с листа (заметим: Ратазьеву, по словам Макара Алексеевича, основанным на уверениях Ратазьева, платят очень неплохо: «Что ему лист написать? Да он в иной день и по пяти писывал, а по триста рублей, говорит, за лист берет. Там анекдотец какой-нибудь или из любопытного что-нибудь – пятьсот, дай не дай, хоть тресни, да дай! а нет – так мы и по тысяче другой раз в карман кладем! <...> Да что! Там у него стишков тетрабочка есть, и стишок всё такой небольшой, – семь тысяч, маточка, семь тысяч просит, подумайте. Да ведь это имение недвижимое, дом капитальный!» и т. д. – 1, 51–52. – В. В.); десять принесут вам в самом деле по повести, исполненной канцелярского юмора и чиновнической иронии или высокого трагического пафоса à la Марлинский...».⁷

Именно «пафос à la Марлинский» в избытке демонстрирует сочинение Ратазьева «Итальянские страсти», отрывок из которого Макар Алексеевич выписывает для Вареньки:

...Владимир вздрогнул, и страсти бешено заклокотали в нем, и кровь вскипела...

– Графиня, – вскричал он, – графиня! Знаете ли вы, как ужасна эта страсть, как беспредельно это безумие? Нет, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бешено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальет бешеного, клокочущего восторга души моей! Ничтожные препятствия не остановят всеразрывающего, адского огня, бороздящего мою истомленную грудь. О Зинаида, Зинаида!..

– Владимир! – прошептала графиня вне себя, склоняясь к нему на плечо...

– Зинаида! – закричал восторженный Смельский.

Из груди его испарился вздох. Пожар вспыхнул ярким пламенем на алтаре любви и взбороздил грудь несчастных страдальцев.

– Владимир!.. – шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели...

⁷ Там же. С. 32–33.

Новый ужасный брак был совершен!

Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей.

– А что, душечка, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? – сказал он, потрепав жену по щеке (1, 52).

Сочинения типа «Итальянских страстей», понравившихся Макару Алексеичу, Белинский выделял в особый разряд; он говорил о «романе *восторженном, патетическом, живописующем* растрепанные волосы, всклоченные чувства и кипящие страсти. Основателем этого рода романа был <...> Марлинский, у которого есть тоже свои счастливые подражатели».⁸ Основным источником понравившегося Макару Алексеичу отрывка из «Итальянских страстей» и одновременно объектом пародии Достоевского является повесть А. А. Марлинского «Фрегат “Надежда”». Созданная с «претензиями на глубину и силу изображенных в ней страстей», она, по свидетельству Белинского, пользовалась «особенною знаменитостию и славою».⁹ На одно из сочинений, подражающих повести («Сицкий (,) капитан фрегата. Сочинение князя Н. Мышцыцкого. Санкт-Петербург. 1840»), Белинский написал рецензию, начинающуюся словами: «Новое произведение литературной школы, основанной Марлинским – не тем он будь помянут! Оно носит на себе все родовые признаки своего происхождения: его герои всё офицеры, да еще морские; место действия – *фрегат...*» и т. д.¹⁰ Но фрегат, конечно, не обязателен. За сочинение повести à la Марлинский, привнося в нее свои особенности, мог взяться кто угодно. Повесть была настолько популярной – в частности, в чиновничьей среде, что на ее авторство не мог не покушаться Хлестаков (ср.: «Всё это, что было под именем Брамбеуса, Фрегат Надежды и Московский Телеграф... всё это я написал» – «Ревизор», д. 3, явл. VI).

В отрывке из «Итальянских страстей» варьируется эпизод, в котором Правин, герой повести Марлинского (если следовать пересказу Белинского), оставив свой фрегат накануне бури, проводит ночь «в объятиях любви и наслаждения»; при этом буря, разразившаяся «громом и молниями», заставляет его

⁸ Там же. М., 1979. Т. 4. С. 362.

⁹ Там же. М., 1978. Т. 3. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 448.

произнести соответствующий обстановке гремучий монолог. Белинский выписывает его, сопровождая своим комментарием:

– Ты моя! Вера моя! Что ж мне нужды до всего остального – пускай гибнут люди, пускай весь свет разлетится вдребезги! Я подыму тебя над обломками, и последний вздох мой разрешится поцелуем!.. <...> Знаешь ли ты, – примолвил он тише, *сверкая и вращая очами, как опьянелый* <...>, – ты должна любить меня, уважать меня, поклоняться мне более чем когда-нибудь <...>. Да, я могу сорить головами людей по своей прихоти и за каждый твой поцелуй платить сотнею жизней... и т. д.¹¹

Весь этот надрывный треск и шумиху Белинский заключает словами: «И это поэзия, а не риторика?.. И это вдохновение таланта?..».¹² Фразу о сверкании и вращении очей Белинский выделяет курсивом и восклицает: «Какая возмущающая душу и оскорбляющая чувство картина!».¹³

Она, однако, нисколько не смущает Ратазьева. Сходную фразу, позаимствовав ее из другого источника и слегка переиначив, он ввернул в свою повесть «Ермак и Зюлейка», прицепив ее к Ермаку. Ср.: «– Тогда казацкая сабля взвьется над ними (всеми людьми. – В. В.) и свистнет! – вскричал Ермак, дико блуждая глазами» (1, 53) и тоже, по-видимому, намереваясь «сорить головами».

Все это время бешено клокочущей страсти (эту ночь «любви и наслаждения»), ввергшей под конец Правина и княгиню Веру в грех, ее муж был где-то рядом. Он появился в самый неподходящий момент. В виде вестника грядущего суда и возмездия: «Страшный, как труба, пронзающая могилы и рассеивающая льстивые грезы грешников, раздался над ними голос... Сердца их вздрогнули – перед ними стоял князь Петр***!».¹⁴

У Марлинского вслед за этим – три строки отточий, после которых опозоренный муж в благородном негодовании произносит патетический монолог, чрезвычайно красноречивый и эффектный.¹⁵

Белинский, не раз возвращавшийся к «Фрегату “Надежда”», и именно к сцене измены, считал, что реакция мужа в этой си-

---

¹¹ Бестужев-Марлинский А. А. Повести и рассказы. М., 1976. С. 364.

¹² Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 3. С. 30.

¹³ Там же.

¹⁴ Бестужев-Марлинский А. А. Повести и рассказы. С. 365.

¹⁵ Там же. С. 365–366.

туации (как многое в произведениях Марлинского) нелогична, притянута к делу кое-как и без особого смысла:

..удивительно ли, если у него муж княгини Веры***, до 191 страницы только евший и пивший, как бессловесное животное, на 191 странице вдруг делается и горд, и благороден, и умен, и на полутора страницах говорит экспромтом «речь», сочинение которой сделало бы честь самому Правину?..¹⁶

Белинский это пишет в 1840 г. в статье «Полное собрание сочинений А. Марлинского» (ОЗ. 1840. Т. 8, № 2. Отд. V: «Критика»). То же самое он писал и шестью годами раньше в статье «Литературные мечтания (Элегия в прозе)»:

Мне кажется, что роман не его (Марлинского. – В. В.) дело, ибо у него нет никакого знания человеческого сердца, никакого драматического такта. Для чего, например, заставил он князя, для которого все радости земли и неба заключались в устрицах, для которого вкусный стол всегда был дороже жены и ее чести, для чего заставил он его проговорить патетический монолог осквернителю его брачного ложа, монолог, который сделал бы честь и самому Правину?¹⁷

У Марлинского обманутый муж застаёт любовников на месте преступления. Между его появлением и произнесением им приговора, как говорилось, три строки отточий. В сочинении Ратазяева (или, что то же, в пародии Достоевского) муж появляется если и не в самый неподходящий момент, то очень близко от этого момента, когда «растрепанные волосы» и «всклокоченные чувства» еще никак не могли быть причесаны и приведены в порядок, а «кипящие страсти» остыть. Вероятно, в ознаменование этого обстоятельства всего одна строка отточий и отделяет торжество предосудительной любви от появления обманутого мужа. Но, в отличие от повести Марлинского, этот муж не произносит патетического монолога. Повинуясь рекомендации критика, он ведет себя самым прозаическим образом – по-видимому, в полном соответствии со своим прозаическим характером, раз и навсегда расположенным при любом случае и любом повороте что-нибудь поесть и выпить: «– А что, душечка, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? – сказал он, потрепав жену по щеке». И это выглядит

---

¹⁶ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 3. С. 31.

¹⁷ Там же. М., 1976. Т. 1. С. 109.

гораздо более абсурдно (не только по форме выражения, но и по существу), чем любая патетика. Ведь все-таки не каждый день муж (каковы бы ни были его достоинства и недостатки) впервые убеждается в неверности жены, чтобы остаться равнодушным к такому событию и поспешить по этому поводу лишний раз поест и выпить.

По мнению Белинского, высказанному уже в «Литературных мечтаниях», Марлинский производит наилучшее впечатление на читающую публику исключительно на безлюдье:

...нельзя не сознаться, что его талант чрезвычайно односторонен, что его претензии на пламень чувства весьма подозрительны, что в его созданиях нет никакой глубины, никакой философии, никакого драматизма; что, вследствие этого, все герои его повестей сбиты на одну колодку и отличаются друг от друга только именами; что он повторяет себя в каждом новом произведении; что у него более фраз, чем мыслей, более риторических возгласов, чем выражений чувства.¹⁸

Позднее Белинский отказал героям Марлинского вообще в каком бы то ни было отличии, даже по именам: «...сам их сочинитель не мог бы различить их (лица, выдуманные автором. – В. В.) одно от другого даже по именам, а угадывал бы разве только по платью» – имеется в виду: мужскому или женскому.¹⁹

Если так обстоит дело с родоначальником «школы», то ничего другого не приходится ожидать от его подражателей. Все их герои «без лиц» и на одно лицо; будучи в общем ряду «безличных лиц и бесхарактерных характеров»,²⁰ они могут спокойно меняться именами. Вот почему, пересказав кое-как и на свой лад кульминационный эпизод повести «Фрегат “Надежда”», имена своих героев Ратазиев заимствует у других любителей Марлинского, ведь, в конце концов, не так уж и важно, в ком именно «бешено заклокотали страсти» и чья «кровь вскипела».

Владимир Смельский явился из романа Ф. Фан-Дим (псевдоним Е. В. Кологривовой; 1809–1884) «Два призрака» (СПб., 1842. Ч. 1–4). При этом имя и фамилия героя Ратазиева в источнике принадлежат хотя и связанным узами дружбы, но разным персонажам, чьи характеры сочинялись с особой заботой подчерк-

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Там же. Т. 3. С. 27.

²⁰ Там же. С. 25.

нуть их противоположность. Это *Владимир Марлин* (фамилия, по-видимому, – знак почтения к кумиру: ср.: Марлинский – Марлин) и *Петр Смелский*. Соединение *Владимир Смелский* естественно упраздняет всякую претензию на различие и этих двух призраков, явившихся у Ратазьева из чужого романа.

Имя героини – *Зинаида* – восходит к повести Зенеиды Р-вой (псевдоним Е. А. Ган; 1814–1842) «Суд света» (1840). К этой же повести восходит и восклицание Владимира Смелского вследствие «всеразрывающего, адского огня, бороздящего» его «истомленную грудь»: «О Зинаида, Зинаида!..». Ср. в повести Е. А. Ган:

...я видел ее в объятиях отжившего, давно расточившего жизнь супруга <...>, в бешеном припадке ревности и негодования, я терзал грудь свою, со жгучими слезами припадал к изголовью, чтоб хоть в нем удушить громкие рыдания, и не раз, лобызая в забытьи увлажненную слезами подушку, роптал: «Зенаида! Зенаида».²¹

Обеих писательниц, Е. В. Кологривову и Е. А. Ган, Белинский тоже называл в числе подражателей Марлинского.²²

Творчество Е. В. Кологривовой вызывало у критика резкое (и, надо сказать, вполне заслуженное) неприятие. В рецензии на ее роман он писал:

Эти «Два призрака» не что иное, как один призрак, и суть самое «призрачное» явление современной литературы – четырехтомный нуль, огромное вместилище слов без значения и фраз без содержания, длинный, утомительный рассказ о происшествиях и случаях, которых не бывает в действительности; вялое и бесцветное изображение людей, характеров и общества, которых не было, нет и не будет нигде, кроме холодного воображения бесталанных сочинителей.²³

Отрицательное мнение о романе высказал и Н. А. Некрасов, сделав, правда, некоторое исключение для характера Смелского.²⁴ Н. А. Полевой в «Литературных известиях» «Русского вестника», напротив, еще до выхода в свет «Двух призраков» назвал роман «прекрасным», неумеренно расхвалив и первую

---

²¹ Ган Е. А. Суд света // Дача на Петергофской дороге. Проза русских писательниц первой половины XIX века. М., 1987. С. 159.

²² Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 517, 518; М., 1979. Т. 5. С. 264, 269.

²³ Там же. Т. 4. С. 515.

²⁴ Некрасов Н. А. «Два призрака» Роман в четырех частях. Соч. Фан-Дима. СПб., 1842 // Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1989. Т. 11, кн. 1. С. 55–56.

повесть Е. В. Кологривовой «Александрина».²⁵ Но позднее, по выходе романа из печати, Полевой был заметно разочарован.²⁶

Об Е. А. Ган Белинский отзывался с большим одобрением: «...автор многих превосходных повестей, подписывающаяся *Зенеидою Р-вою*...»²⁷ и даже посвятил ее творчеству большую статью-рецензию «Сочинения Зенеиды Р-вой. Санкт-Петербург. 1843. Четыре части», написанную уже после смерти Е. А. Ган. В этой статье критик утверждал, что «ни одна из русских писательниц не обладала такою силою мысли, таким тактом действительности, таким замечательным талантом, как Зенеида Р-ва», и что вообще «существенное достоинство повестей Зенеиды Р-вой» – в «их мысли».²⁸

Эти же достоинства Зенеиды Р-вой и даже с большим, чем у Белинского, энтузиазмом отмечал Н. А. Некрасов: «В ее произведениях заметно уже присутствие господствующего убеждения, могучей мысли...». И далее: «Зенеида Р-ва всюду верна своей любимой, задушевной идее и вместе с тем верна действительности, источнику своей идеи».²⁹

«Весь пафос <...> поэзии» Зенеиды Р-вой, вызвавший горячую симпатию и Некрасова, и Белинского, заключается, по словам последнего, «в глубокой скорби об общественном унижении женщины и в энергическом протесте против этого унижения. Повесть “Суд света” написана преимущественно под влиянием этой идеи, которая, однако ж, органически связывается с идеею о высокой способности женщины к безграничной любви».³⁰

Вместе с тем Белинский видит и явные недостатки, выражающиеся в излишнем увлечении автора романтическими образцами – сочинениями Кукольника, Бенедиктова и др. Заклучая разговор об этих недостатках, он пишет: «Нельзя не сознаться с горестью, что на ее (Е. А. Ган. – В. В.) повестях замечен отпечаток влияния повестей Марлинского и Полевого».³¹

---

²⁵ Русский вестник. 1842. № 2. Отд. IV. С. 49.

²⁶ Там же. № 4. Отд. III. С. 25.

²⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 290.

²⁸ Там же. Т. 5. С. 252.

²⁹ Некрасов Н. А. Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году // Полн. собр. соч. и писем. Т. 11, кн. 1. С. 152.

³⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 5. С. 261. Эта же повесть вызывает одобрение Некрасова; см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11, кн. 1. С. 154–155, 156.

³¹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 5. С. 269.

Трудно сказать, как отнесся Достоевский к «могучей мысли» и «пафосу» произведений Зенеиды Р-вой, имя которой он нигде не упоминает (вряд ли с таким же одобрением, как Белинский или Некрасов), но выпрєнные тирады и слог à la Марлинский его, конечно, смешили. Это видно из «Итальянских страстей».

Само название сочинения Ратазьева «Итальянские страсти» тоже не случайно. Оно имеет отношение к Н. А. Некрасову и Н. А. Полевому.

В отрицательной рецензии на первую пьесу К. Д. Ефимовича (1816–1847) «Эспаньолетто, или Отец и художник», подписанную псевдонимом *И. Ралянч*, в рецензии, опубликованной в «Литературной газете» за 1844 г. (31 августа. № 34) без подписи, Некрасов, полагая, что автором пьесы был Н. А. Полевой, дважды упомянул слова об «итальянских страстях» – сначала в подзаголовке, «Эспаньолетто, или Отец и художник. “Попытка на севере на изображение итальянских страстей” в пяти действиях», и далее, в заключении: «Автор подает большие надежды по части “изображения на севере итальянских страстей”».³² Некрасов обыгрывает возможную двусмысленность: с одной стороны, попытка на севере изображения... и т. д., а с другой – попытка изображения итальянских страстей, прописавшихся почему-то на севере.

В предыдущем номере «Литературной газеты» (1844. 24 августа. № 33), в фельетоне «Петербургская хроника», опубликованном тоже без подписи, Некрасов писал:

На днях была также представлена на Александринском театре новая оригинальная драма под названием «Эспаньолетто». О ней мы также скоро поговорим. Но чья это драма? – спросите вы. Наверное не знаем, а вот что было писано, около пяти лет назад, г-ном Полевым в «Письме Ф. В. Булгарину», напечатанном в «Сыне отечества» (см. № IV, 1839 г.): «Так, в одном из новых приготовляемых мною для сцены опытов моих, под названием “Ода премудрой царевне Фелице”, мне хотелось бы показать поэтическую сторону прозаической жизни Державина; в другом, “Елене Глинской” испытать быт русской старины в идеале художника (?); в третьем, “Стрешневе”, – простое изображение русского быта и опыт на сцене языка наших предков; в “Эспаньолетто” попытаться на севере на изображение итальянских страстей...».

О каком «Эспаньолетто» здесь идет дело, – не о том ли, что дано на днях на сцене? Или эта драма сама по себе, а та угрожает еще нам

---

³² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11, кн. 1. С. 331, 334.

вперед? Во всяком случае, теперь или после, очень приятно будет увидеть попытку г-на Полевого на изображение на севере итальянских страстей...³³

У Достоевского такую «попытку» осуществляет Ратазьев, изображая «итальянские страсти» не только на севере (в будуаре русской графини), но, «для усиления смеха» (14, 9), и прямо в Сибири. Так выглядит дело в его повести «Ермак и Зюлейка». Заметим, кстати, что отрицание «итальянских страстей» где бы то ни было (хотя бы и в Италии, а не только в Сибири) у Некрасова и Достоевского в середине 1840-х гг. было тем более решительным, что оба писателя в свое время отдали этим «страстям» свою дань. Достоевский по дороге в Петербург для определения в дальнейшем в Главное инженерное училище (май 1837 г.), по собственному признанию, «беспрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни» (22, 27); а Некрасов даже опубликовал такого рода сочинения (в 1840 г. – повесть «Певица»; в 1842 г. – повесть «В Сардинии»). Правда, в последней описаны «испанские страсти», но они ни в чем не уступают «итальянским»).

«Ермак и Зюлейка» – пародия на псевдоисторические повествования, которые не имеют никакого отношения ни к исторической, ни вообще к какой бы то ни было действительности. О таких повествованиях можно сказать то, что Белинский говорил о драмах Н. В. Кукольника: «В них русские имена, русские костюмы, русская речь, но русского духа слыхом не слыхать, видом не видать».³⁴ И еще (в связи с трагедиями А. С. Хомякова):

Одежда и слова русские, а чувства, побуждения и образ мыслей немецкий или французский... Мы не станем говорить о вульгарно народных, безвкусных, бездарных и неэстетических изделиях: подобные чудища везде нередки и везде составляют необходимый сор и дрязг на заднем дворе литературы. Но что такое «Ермак» и «Дмитрий Самозванец» г. Хомякова, как не псевдоисторические трагедии в духе и роде трагедий Корнеля, Расина, Вольтера, Кребильона и Дюссиса? А их действующие лица что такое, как не немцы и французы в маскарade, с накладными бородами и в длиннополых кафтанах? Ермак – немецкий бурш; казаки, его товарищи – немецкие школь-

---

³³ Там же. СПб., 1995. Т. 12, кн. 1. С. 130–131. Прочитированные слова Полевого см.: Сын Отечества. 1839. Т. 8. Отд. IV: Критика и библиография. С. 113.

³⁴ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 4. С. 481.

ники; а возлюбленная Ермака – пародия на Амалию в «Разбойниках» Шиллера.³⁵

Пародируемые Достоевским сочинения посвящены как раз Ермаку, покорителю Сибири (†1584?). На эту тему, начиная с исторической песни о Ермаке из сборника Кириши Данилова³⁶ и драматической поэмы И. И. Дмитриева (1760–1837) «Ермак» (1794),³⁷ написано несколько произведений разных авторов в разных жанрах: дума К. Ф. Рыльева (1795–1826) «Смерть Ермака» (1821); безымянное произведение «Ермак, завоеватель Сибири. Историческая повесть», вышедшее вторым изданием в Москве в 1827 г.; стихотворение А. Н. Муравьева (1806–1874) «Ермак» (1827); трагедия А. С. Хомякова «Ермак», замеченная публикой (написана в 1825–1826 гг., премьера 1829 г., отдельное издание – М., 1832); затем: «Ермак, или Покорение Сибири. Исторический роман XVI столетия». Сочинение Павла Свиньина. СПб., 1834. Ч. 1–4; еще одно безымянное сочинение – «Ермак, покоритель Сибири», исторический роман в 2 частях, выдержавший с конца 1830-х гг. шесть изданий (1839, 1841, 1843, 1845, 1846, 1848 гг.); наконец, драма Н. А. Полевого (1796–1846) «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» (премьера 15 февраля 1845 г., отдельное изд. – СПб., 1845, ц. р. 28 февраля 1845 г.).

Почти все эти сочинения (и не только они) самым прихотливым образом отразились в повести Ратазиева, где романтические преувеличения и домыслы их авторов доведены до полного абсурда (справедливости ради следует сказать, что двигаться Ратазиеву в этом направлении было недалеко).

Зюлейка, у Ратазиева возлюбленная Ермака, перекочевала «в родные снега Сибири, в юрту отца своего» (1, 53) из восточной поэмы Байрона (1788–1824) «Абидосская невеста» (1813), переведенной на русский язык И. И. Козловым (1826), а вместе с ней, этой поэмой, и – из бедных вариаций на ее тему Варвары Лизогуб («Зюлейка, повесть в стихах». Сочинение Варвары Лизо<гу>б. М., 1845; ц. р. мая 25 дня, 1845 г.). Именно в этой повести, построенной на перепевах не только Байрона, но и Пушкина («Бахчисарайский фонтан», 1824), Ратазиев нашел и повторил мотив, напоминающий о «вращающихся» очах Правина.

³⁵ Там же. С. 480; ср.: Т. 7. С. 26, 194 и др.

³⁶ См. о ней: Там же. Т. 4. С. 263–266.

³⁷ См. о ней: Там же. М., 1981. Т. 6. С. 95, 96.

Здесь о Гирее, услышавшем от своей жены, Зюлейки, признание в том, что она любит гяура, сказано:

Глаза его дико, безумно блуждали...³⁸

Напомню сказанное в «Бедных людях»: «– Тогда казацкая сабля взвьется над ними и свистнет! – вскричал Ермак, дико блуждая глазами» (1, 53).

Надо заметить, что ни в одном из повествований о Ермаке и покорении им Сибири дочь сибирского царя Кучума (реальное лицо; до 1540 г.–ок. 1600 г.), в которую у Ратазьева (и пародии Достоевского) влюблен Ермак («...влюблен в Зюлейку, дочь сибирского царя Кучума, им в полон взятую» – 1, 52), вообще не фигурирует. Зато фигурирует дочь одного из сибирских князей, нежные отношения которой с Ермаком у Ратазьева сильно преувеличены. Ср.:

Продолжая таким образом идти вперед, поражал он (Ермак. – В. В.) всюду неприятеля и наконец подступил к селению татарского князя Иелигая, которой, добровольно покорившись под власть его, поднес ему не только знатные дары, но представил ему дочь свою, которая почиталась у татар красавицею, желая выдать ее за него замуж; однакож Ермак не принял сего предложения и запретил строжайше, чтоб никто из козаков не смел нанести ей оскорбление.³⁹

В четвертой части «исторического романа» Павла Свиньина тоже упоминается сибирская княжна (Тебенский князь привозит к Ермаку свою дочь), от которой Ермак тоже отказывается. Однако здесь он запрещает казакам даже на нее взглянуть.⁴⁰

Поскольку у Кучума не было дочери (в повествованиях о Ермаке – во всяком случае), Ермак не мог взять ее в плен, как это происходит у Ратазьева (1, 52). В действительности он взял в плен не дочь, а племянника царя Кучума. В исторической справке, предпосланной думе «Смерть Ермака», К. Ф. Рылеев, например, пишет: «В течение следующего года (1582. – В. В.) казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер (столицу Сибирского царства на Иртыше. – В. В.), пленили Кучумова

---

³⁸ Зюлейка, повесть в стихах / Сочинение Варвары Лизо<гу>б. М., 1845. С. 14.

³⁹ Ермак, завоеватель Сибири. Историческая повесть. 2-е изд. М., 1827. С. 167–168.

⁴⁰ См.: Ермак, или Покорение Сибири: Исторический роман XVI столетия / Сочинение Павла Свиньина. СПб., 1834. Ч. 4. С. 120–122.

племянника, царевича Маметкула, и около трех лет господствовали в Сибири».⁴¹

Слова Макара Алексеевича о том, что «событие», описанное Ратазевым, взято «прямо из времен Ивана Грозного, как вы видите» (1, 52), похоже, повторяют замечание Ратазева и взяты «прямо из» драмы Н. А. Полевого «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» (СПб., 1845), где после длинного перечня действующих лиц автор поясняет: «Событие происходит в конце XVI века, в царствование царя Иоанна Васильевича Грозного».

Изображение «бешено клокочущих» страстей в «Ермаке и Зюлейке» восходит частью к А. А. Бестужеву-Марлинскому, частью – к В. Г. Бенедиктову (1807–1873), один из стихов которого, как правильно отметил В. И. Мельник, Ратазев привносит в свой текст почти без изменений. Ср. в «Бедных людях»: «– Любо мне шаркать железом о камень!» (1, 53) и в стихотворении В. Г. Бенедиктова «Возвратись!» (1838):

В поход мы рядились, все прихоти – в пламень,
А сабли – на отпуск, коней – на зерно; –
О, весело шаркать железом о камень
И думать: вот скоро зыграет оно!⁴²

«Шаманский камень», о который Ермак «в диком остервенении» точит свой «булатный нож» (1, 53), представляет собой соединение двух мотивов: «шаманский» мотив восходит, в первую очередь, к поэме И. И. Дмитриева, заслужившей похвалу Белинского,⁴³ а «камень» – к драме А. С. Хомякова «Ермак», где этому или такому же «камню» почему-то отведено слишком большое место.

Разумеется, ни от какой любви Ермак в действительности не погибал, но некоторые подробности его гибели Ратазев не преминул позаимствовать у других авторов.

Так, в «Бедных людях» сказано: «Слепой старец Кучум, пользуясь темнотою ночи, прокрался, в отсутствие Ермака, в его шатер и зарезал дочь свою, желая нанести смертельный

⁴¹ Рылеев К. Ф. Думы. М., 1975. С. 57.

⁴² Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983. С. 101. См. об этом: Мельник В. И. Пародия на В. Г. Бенедиктова в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского // Русская литература. 1994. № 4. С. 178–179.

⁴³ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 6. С. 95 и след.

удар Ермаку, лишившему его скипетра и короны» (1, 53). Приведенные слова – контаминация и пародийное переложение мотивов разных сочинений. «Слепой старец» со «скипетром и короной» напоминает о романе Павла Свиньина, ср.: «...державный слепец (Кучум. – В. В.), пылавший мщением, переправился вброд через реку <...>. Осторожно, без малейшего шума, татары подползли к козацкому лагерю: в нем все было тихо и безмолвно, как в могиле»;⁴⁴ «пользуясь темнотою ночи, прокрался <...> в его шатер» – о думе Рылеева, ср.: «В одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильном дожде, он (Кучум. – В. В.) учинил неожиданное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и незапности удара». И далее:

С вождем покой в объятых сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!
Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпою окруженный... и т. д.⁴⁵

Еще один «отрывочек, в шуточно-описательном роде, собственно для смехотворства написанный: “Знаете ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза?...”» и т. д. (1, 53), как известно, пародийно обыгрывает мотивы «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя (повесть была впервые опубликована в альманахе «Новоселье», 1834 г.; с исправлениями она перепечатана годом позже в сборнике «Миргород», 1835 г., и еще раз – во втором томе «Сочинений» Гоголя, 1842 г.).

За этим «для смехотворства» написанным отрывком стоит многолетняя ожесточенная полемика Белинского в защиту Гоголя против всех его недоброжелателей – Ф. В. Булгарина (1789–1859), О. И. Сенковского (1800–1858), С. П. Шевырева (1806–1864) и других, старавшихся свести талант гениального писателя к чисто внешнему комизму. И в данном случае Досто-

---

⁴⁴ Ермак, или Покорение Сибири: Исторический роман XVI столетия / Сочинение Павла Свиньина. Ч. 4. С. 135–136.

⁴⁵ Рылеев К. Ф. Думы. С. 57, 59.

евский, естественно, был на стороне «великого критика». Однако так, как видим, было не всегда. Даже и в «Бедных людях».

Намеченная здесь тема далеко не исчерпана. Но из сказанного, думается, ясно, каким огромным и разнородным литературным материалом владел Достоевский, только-только вступавший в литературу, и с какой удивительной легкостью, с каким блеском он распорядился этим материалом в первом же своем романе. Ввиду этого вполне понятно, что позднее, уже после личного знакомства, он выслушивал наставления Белинского, пытавшегося руководить его художественной работой, «благосклонно и равнодушно».⁴⁶

Из сказанного следует также вывод, исключающий поспешные утверждения относительно каких бы то ни было «влиятий» на основании замеченных в художественном произведении заимствований, цитат, аллюзий без учета широкого литературного контекста, который может сообщить и, как правило, сообщает им особый смысл. Ведь пускаясь в литературный путь, писатель не может не оглянуться на тех, кто раньше него или вместе с ним вступил на ту же дорогу. Привлекающие его внимание имена указывают на живых деятелей живого литературного процесса. Даже если бы автор не сослался ни на кого из них, они все равно служили бы для него известной метой – как для творческого самоопределения, так и для общей работы в едином культурном пространстве. Но Достоевский обычно называет эти имена.

---

⁴⁶ Анненков П. В. Замечательное десятилетие // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 259.